

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

«Алексей Петренко... достигает принципиально нового для искусства актера раскрытия состояния и поведения человека в обстоятельствах глубокого душевного потрясения, действуя на основе той обостренной отзывчивости и наблюдательности, которая и составляет сущность актерского дарования. Оно предъявлено в такой мере и умножено на такую свободу техники, что дает зрителю возможность восприятия мыслей, чувств, всей натуры человека в самой тайной ее глубине». Так оценил Сергей Аполлинариевич Герасимов исполнение артистом роли летчика в фильме «Двадцать дней без войны», определив одну из характерных особенностей этого актера, знакомого кинозрителям по фильмам «Король Лир», «Ключ без права передачи», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» и сыгравшего недавно

Алексей ПЕТРЕНКО

...А ЕСТЬ РОДНИК!

главную роль в новом фильме «Беда». В течение 13 лет А. Петренко проработал в Ленинградском театре имени Ленсовета. С нынешнего сезона он актер Московского театра на Малой Бронной, где играет Подколесина в «Женитьбе», в спектаклях «Месяц в деревне» и «Враги». Сегодня Алексей Васильевич Петренко отвечает на вопрос нашего корреспондента: «Что главное в профессии артиста?»

отцов. Роль, перемешанная с воздухом времени. У артиста на сцене состав крови поменялся, а не то, что голос или походка... Это — давняя запись из рабочей тетрадки. (Как все ленивые люди, всю жизнь собираюсь начать вести дневник. С понедельника.)

Думаю, Ефремов много лет жил в искусстве измерениями обобщенной правды.

ный герой, летчик Шербаков, едет по загородному шоссе. Стрелка спидометра устойчиво показывает: 45 километров. Почему такая осторожность у человека, ежедневно рискующего жизнью? А это не осторожность. Просто он экономит силы и нервы. Бережет все свои внутренние ресурсы для неба.

Какая несуетность, какая сосредоточенность.

Научиться бы так.

Наверное, мастерство в нашем деле — это в первую очередь строительство собст-

на, и Чайковского, и литературный персонаж, воспринятый через Достоевского. И становится неловко: как это ничего не знаешь о таком артисте? А потом рассказали. В детстве он перенес тяжелую болезнь. Только в девятнадцать лет практически научился ходить — вопреки болезни, мнению медиков, вопреки человеческим возможностям. Казалось бы: остался жить — будь доволен. Как это объяснить — не знаю, но из зрительного зала ощущаешь энергию его внутренней

Наша профессия?.. «Нечеловеческие трудности»... «Мучительный путь борьбы»... «Бессонные ночи»... «Предельное напряжение»... «Повторить это было бы невозможно»... «Сколько ушло крови»... «Гигантские задачи»... «Сумасшедшие дни»... «Судорожные, надрывные»... «Я стоял перед разъяренным океаном, который клочкотал, буйствовал, ревел, и мне предстояло переплыть или утонуть в этом бушующем море»...

Это выписки из опубликованных в печати актерских исповедей.

Оно, может, и так, но почему-то всегда представляю себе: прочтет это какой-нибудь обыкновенный Петр Иванович или Василий Алексеевич и поделится вечером со своей бабкой: «Господи! Да чего же он так мается? Ехал бы к нам. Работа у нас какая-никакая, да хоть жилой останется...»

В беспредельном небе красиво парит самолет и вдруг со страшной скоростью начинает падать. На экране — лицо человека, который, оказывается, намеренно заглушил мотор. Его задача — проконтролировать поведение новой машины в подобной крайней ситуации. Это эпизод из короткометражной картины «Полет» Ленинградской студии документальных фильмов о летчиках-испытателях. Оторвать взгляд от лица летчика невозможно, хотя он совсем не озабочен тем, как выглядит со стороны. Ему не до этого. Он выполняет свою будничную работу, а его снимают. Потом нам покажут: он занимается гимнастикой, сидит за рулем автомобиля, общается с товарищами. Но ни разу — даже когда он перед объективом высказывается специально для будущего фильма — ни единой форсированной интонации, ни единого неискреннего движения. Ничего напоказ. Вы не услышите от летчиков-испытателей, «сколько ушло крови» и как они «падали замертво». Только когда люди смотрели картину «Полет» в кинотеатрах, одного из героев уже не было в живых. Падать замертво входит в их профессию.

Посмотришь на такое, и все твоё дело вдруг покажется тебе ничемным. Играть после этого неловко, не то чтобы жаловаться.

Но вот новый спектакль... Третий звонок. Гонг помрежа — и опять перед тобой «ревуший океан», опять: «перелететь или утонуть».

Что вообще умеет драматический артист?

Говорить. Ходить. Плакать. Смеяться. Но это умеет делать каждый человек. А если каждому доступно, значит, каждый может примерить на себя. То есть соотнести с жизнью. В этом — и загвоздка.

Ленинградцы рассказывают такой случай из биографии города. Петроград. Весенняя ярмарка. Шумно, красочно, празднично. Среди всей этой кутерьмы — палатка, на ней — большие печатные буквы: «ЗА ПЯТЬ КОПЕЕК ИСААКОВСКИЙ СОБОР В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ». Выстроилась очередь. С другой стороны палатки выходят улыбающиеся люди. Оказывается: остроумный предприниматель прорезал в брезенте маленькое отверстие. Прильнув к нему глазом, вы действительно могли увидеть Исааковский собор и действительно в натуральную величину. А как иначе? Он стоит тут же, на площади, прямо напротив палатки.

Вот так и мы, артисты, часто изображаем собор в натуральную величину, а драматурги нам в этом усердно помогают. Прорезаются окошечки с видом на какой-нибудь промышленный или сельскохозяйственный объект. В натуральную величину мы видим нерешенные проблемы: не завезли змеёвники или трубы, нарушают экологический баланс, плохой директор не дает хорошему заму рыть котлован и т. д. Ну, словом, есть что играть артисту. Проходит какое-то время, спектакль или фильм показывают по телевидению, зритель к тому времени уже все про змеёвники и баланс знает. Смотрят люди на экран и недоумевают: «А чего этот лысый так нервничает, за сердце хватается, таблетки глотает! Котлован давно вырыли, объект сдали, на место плохого директора прислали хорошего. А он психует...»

Горе не в том, что змеёвники, горе в том, что только змеёвники.

Видел «Вечно живых» в «Современнике». Олег Ефремов — хирург Бороздин, потерявший на войне единственного сына. Актер почти влѐгое мложе своего героя, он воспринимает судьбу Бороздина так, как бы его собственный отец воспринял гибель Олега Ефремова. Правда, возведенная в символ. Человеческое преклонение перед подвигом

Можно быть приличным специалистом по меди и при этом совсем не уметь обращаться с золотом. Каждый материал требует вполне определенных знаний, навыков и даже своей интуиции. Только золото хороший хозяин кому попало не доверит, по крайней мере сначала испытает мастера. Золото русской классики не так оберегается. Чехова, Пушкина, Достоевского, Горького ставят порой не самые достойные, а самые энергичные.

Иной спектакль или фильм оставляет впечатление, будто не было еще на нашем театре Шепкина, Мочалова, Ермоловой, Михаила Чехова, великого МХАТа... Будто и не существовало кинематографа Пудовкина, Эйзенштейна, Довженко... А в наши дни таких завоеваний, как Павел Луспекаев — Ноздрев в телефильме, и эта работа включена туда целиком. Чем она примечательна? Ну, во-первых, приближением к непостижимому Гоголю. А кроме того — индивидуальностью самого артиста.

Есть множество напитков — успокаивающих, бодрящих, утоляющих жажду, питательных и т. д. А есть родниковая вода. На нее не клеют нарядных этикеток, ее не рекламируют. Только пробется где-нибудь родничок, и к нему идут, чтобы сделать освежающий глоток. Так я воспринимаю Луспекаева.

Когда сваливается на тебя серьезная работа, испытываешь потребность на что-нибудь опереться. Допустим, мне надо играть Петра Первого. Пошел бы к Николаю Константиновичу Симонову, порасспросил бы. Его, к великой скорби, уже нет. Есть фильм, но не осталось никаких следов пути артиста к роли. С чего начинал? Что перекопал? Где искал? Неизвестно. Хотя бы какие-нибудь записи, пометки, список литературы. Мне уже навряд ли доведется вторично встретиться с Петром, но тому, кто будет его играть, честное слово, пригодится мой «петровский» архив. Так же, как кому-то, может быть, окажутся небесполезными мои «антиалкогольные» папки, собранные в связи с картиной «Беда». Вроде бы не нарочно, незаметно, вырезка за вырезкой, а накопилось столько материалов о пьянстве — и связанных с ним человеческих несчастиях...

Искусство драматического актера должно быть понятно всем. Значит, сколько надо знать, уметь, чтобы показать людям нечто большее, чем собор в натуральную величину. Люди спешат, им некогда о себе задуматься: кем я был? кто я есть? каким должен быть? Утолить эту жажду человека, познать самого себя способно искусство, и в частности искусство актера.

В документальном фильме о летчиках-испытателях глав-

А. Петренко в фильмах (сверху вниз): «Ключ без права передачи», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Беда».

венного внутреннего мира, тренированность души.

Смотрел «Пиковую даму» в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Полагается сказать: слушал. Но эта опера и слушается, и смотрится с таким волнением, какое не так уж часто сопутствует представлениям даже театра драматического. Точная психологическая достоверность, особенно у Вячеслава Осипова, который играет Германа. Это Германа и Пушки-

жизни, видишь, чего ему стоило стать артистом.

В спектакле Московского молодежного Театра-студии на Красной Пресне «Я пришел дать вам волю...» стоит где-то на краю струга шестнадцатилетний артист Саша Михайлов. В действии почти не участвует, даже не освещен. Но так одержимо, наполненно существует «на окраине» сюжета, вне поля зрительского внимания, что уже и не удивляет в спектаклях этого театра такое высокое напряжение. Фантастическая самоотдача у этих ребят. Этот дух самозабвенного служения искусству витает в воздухе. Художник театра Юрий Люблин вот уже пять лет бесплатно выдумывает декорации, строит их наравне со всеми, таскает на себе, играет в спектаклях. Все-таки, вероятно, справедливо! «...И когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! в ней ничего будет читать». Так написал когда-то Тургенев... А Горький добавил: Дон Кихот — это лучшее, что можно сказать о человеке.

Один артист всю жизнь аккуратно вырезал из газет и журналов буквально все, что касалось его театральных успехов. Стал он как-то перебирать свою довоенную папку и с удивлением обнаружил вот что. Все, ради чего он столько лет хранил эти листочки (а были это в основном рецензии — интервью с артистами тогда в моду еще не вошли), оказалось никому не нужной мишурой. Зато случайно перевернув один из листочков, он уже не смог оторваться. Как у Пушкина:

Нечаянно открыл. И поневоле зачитался.

С обратной стороны старых газетных вырезок на него пахнуло давно прошедшими годами его молодости. Любимый обрывок информации, каждая подробность времени, которую он обнаруживал, — все было интересным, существенным, настоящим.

Может быть, в две тысячи каком-нибудь году человеку попадутся в руки вырезки из сегодняшних газет. Скользя глазами по разглаженным страницам давно ушедшего артиста, человек нечаянно перевернет листочек... И поневоле зачитается.

Лит. газета, 1948, 1 с. сарма